

Когда Чэн Фань открыл глаза, сквозь занавески уже пробивались жаркие, слепящие лучи солнца. В комнате витал тонкий, едва уловимый аромат благовоний.

Он нахмурился, чувствуя, как к лицу приливает жар воспоминаний о вчерашней душной ночи. Слова Се Чунъяня эхом зазвучали в голове.

— Нарцисс несчастный, — пробурчал под нос Чэн Фань.

Раздался тихий стук в дверь. Чэн Фань машинально взглянул на часы — ровно десять утра. Се Чунъянь уже должен быть в офисе. Мысленно выдохнув, юноша отозвался:

— Войдите.

— Как себя чувствуешь? — неожиданно раздался глубокий голос Се Чунъяня.

Чэн Фань вскинул голову и обомлел. Се Чунъянь стоял в дверях в тонких золотых очках. На мгновение парень залюбовался им, но тут же отвёл взгляд и буркнул:

— Уже нормально.

— Перед уходом доктор оставил рецепт от консилиума врачей, — сказал Се Чунъянь. — Этот курс должен помочь.

Он был в простой домашней одежде чёрного цвета и непринуждённо сидел в кресле у постели. Золотая оправка очков удивительно шла ему, выгодно подчёркивая бледность кожи, а во всём его облике сквозила утончённая, почти осязаемая холодность и аристократизм.

Чэн Фань тихо угукнул, крепче сжав пальцами край одеяла. После вчерашнего он всё ещё чувствовал себя неловко.

Внезапно вспомнив о важном, он выдвинул ящик тумбочки, достал лист формата А4 и протянул мужчине:

— Вот. Я составил список.

Над этим списком Чэн Фань корпел целых две недели. Он по крупницам восстанавливал в памяти каждую деталь, выуженную со страниц того журнала, и решился отдать записи только тогда, когда убедился, что не упустил ни единой мелочи.

— Какой послушный, — с лёгкой усмешкой протянул Се Чунъянь, глядя ему прямо в глаза, а затем принялся изучать записи.

Почерк у парня оказался каллиграфическим, изящным. Все пункты были расписаны до мельчайших подробностей, ключевые моменты — аккуратно подчёркнуты. Чэн Фань перечислил практически всех, кого Се Чунъянь и сам подозревал, однако названия двух компаний всё же заставили его удивлённо приподнять бровь.

Непривычный к подобным похвалам, Чэн Фань смутился. Он лениво прищурил заспанные глаза и протянул с лёгким высокомерием:

— Я всегда подхожу к делам серьёзно.

Се Чунъянь аккуратно сложил лист и убрал в карман:

— Верю. Я разберусь с этим.

В комнате снова воцарилась тишина. Чэн Фань невольно задумался: почему Се Чунъянь до сих пор не уехал в офис?

«Неужели... из-за меня?»

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как перед глазами ожили воспоминания о вчерашних объятиях. Чэн Фань поспешно напустил на себя равнодушный вид и как бы невзначай спросил:

— А почему ты не на работе?

— Во второй половине дня намечается встреча с друзьями, — ответил Се Чунъянь.

— А-а, — протянул Чэн Фань.

Ну конечно, глупо было надеяться, что этот сухарь остался дома ради него.

Парень с головой зарылся в одеяло и отвернулся к стене:

— Я спать хочу. Можешь идти.

Голос его прозвучал излишне резко и обиженно. Се Чунъянь недоумённо покачал головой: и почему этот капризный ребёнок так быстро меняется в лице?

Поднявшись с кресла, он посмотрел на укрытую одеялом спину Чэн Фаня и негромко спросил:

— Поедешь со мной?

Чэн Фань повернулся, уставившись на него из-под полуопущенных пушистых ресниц:

— Это приглашение?

— Ты уже слишком долго валяешься в постели, — спокойно возразил Се Чунъянь. — Тебе не мешает глоток свежего воздуха.

Гнев Чэн Фаня тут же как ветром сдуло.

— Ладно. Поменяю одежду, подожди меня.

— Хорошо.

Для поездки Чэн Фань выбрал свободную клетчатую рубашку песочного оттенка, белые джинсы и коричневые полусапожки, накинув сверху лёгкое серо-белое пальто. Наряд выглядел свежо, стильно и невероятно ему шёл. Дядя Чэнь, увидев его, восторженно всплеснул руками, заметив, что молодой господин сошёл прямиком с обложки модного журнала.

Они направились в элитный загородный клуб «Лиюй» — недавно открывшийся комплекс премиум-класса на окраине Биньтаня. Совсем рядом располагался Новый Портовый Город, один из ключевых градостроительных проектов семейства Се.

В салоне автомобиля Се Чунъянь сидел, небрежно закинув ногу на ногу и переплетя длинные, изящные пальцы. Чёрное шерстяное пальто безупречного кроя сидело на нём как влитое, а тонкие золотые очки придавали его взгляду обманчивую мягкость.

«Если бы не эта вечная аура высокомерия и подавляющей силы, — подумал Чэн Фань, искоса разглядывая спутника, — у него отбоя бы не было от поклонников».

Хотя их, пожалуй, и так хватало.

Едва представительский седан припарковался у входа в «Лиюй», как к пассажирской двери подлетел невысокий мужчина. Опережая водителя, он угодливо распахнул дверцу.

— Брат Янь! Сколько лет, сколько зим! — расплылся в широкой улыбке владелец клуба Ма Хаоцянь.

Се Чунъянь слегка прищурился от яркого солнца, выходя из машины:

— Господин Ма, вы излишне любезны. Отличное место отстроили.

— Всё благодаря вашей помощи с разрешениями на строительство, брат Янь, — заискивающе закивал Ма Хаоцянь. — Надеюсь, при расширении Нового Портового Города вы тоже не забудете о нас и подкинете пару выгодных контрактов.

В этот момент управляющий клуба почтительно помог выйти из машины Чэн Фаню. Ма Хаоцянь тут же переключил своё внимание на него, сияя радушием:

— А это, должно быть, молодой господин Чэн? Наслышан, наслышан о вашей исключительной красоте! Вы с братом Янем — просто идеальная пара.

Сладкая, приторная улыбка Ма Хаоцяня вызвала у Чэн Фаня инстинктивное отвращение. Он лишь сухо кивнул и, не проронив ни слова, последовал за Се Чунъянем внутрь.

Территория «Лиюй» действительно поражала воображение. Проектировщики постарались на славу, стремясь создать лучший загородный ландшафтный курорт в стране. В проект были вложены колоссальные средства.

— В апреле, если у вас выкроится свободная минутка, обязательно приезжайте сюда снова, — продолжал соловьём разливаться Ма Хаоцянь. — Весь склон покроется цветущей сакурой, зрелище незабываемое.

Се Чунъянь, засунув одну руку в карман пальто, лишь вежливо кивнул.

Проходя мимо аккуратных рядов вишнёвых деревьев, Чэн Фань заметил посреди двора раскидистое вековое дерево. На его ветвях покачивались ярко-красные полоски бумаги с каллиграфическими надписями. Похоже, это было дерево желаний.

— Брат Янь, осторожно, здесь ступеньки. Все уже собрались в павильоне и ждут только вас, — предупредительно произнёс Ма Хаоцянь.

В этот момент у Се Чунъяня зазвонил телефон. Извинившись, он отошёл в сторону, чтобы принять личный вызов. Ма Хаоцянь подождал немного, а затем предложил Чэн Фаню войти первым.

В просторном, роскошно обставленном вип-зале их уже ждали Линь Юйтань, Сян Чжи, Фан Юйчэнь и остальные члены компании, с которыми Чэн Фань мельком познакомился в караоке-клубе.

Заметив, что Чэн Фань вошёл без своего спутника, Сян Чжи с ехидной усмешкой протянул:

— О, и молодой господин Чэн здесь! Вы с Чунъянем теперь вообще не расстаётесь, да? Сладкая парочка.

Чэн Фань, не питавший к этому типу ни малейшей симпатии, лишь высокомерно вскинул подбородок и проигнорировал выпад.

Линь Юйтань, проводив юношу взглядом, негромко спросил у Фан Юйчэня:

— У Чунъяня это серьёзно?

— Кто его знает, — пожал плечами тот. — Но, поговаривают, они уже заявление в ЗАГС зарегистрировали.

— Слышал я, у этого младшего Чэна характер — не сахар, — вполголоса заметил Линь Юйтань. — Дома его разбаловали донельзя, капризный до ужаса.

— О да, я уже имел удовольствие наблюдать его сцены, — хмыкнул Фан Юйчэнь. — В тот вечер, когда Чунъянь вернулся из-за границы и не предупредил его, этот принц закатил истерику и удрал прямо посреди посиделок.

Чэн Фань тем временем аккуратно взял со стола изящную чайную пиалу, покрытую матовой оранжевой глазурью. На свету тончайший фарфор казался полупрозрачным и невероятно тёплым.

Делая маленькие глотки, он кожей чувствовал на себе любопытные взгляды присутствующих. Однако ему было глубоко плевать. Он продолжал невозмутимо наслаждаться напитком.

Напротив него сидел парень лет двадцати, с ног до головы обвешанный вещами люксовых брендов. Он долго разглядывал Чэн Фаня и, наконец, не выдержал:

— Тебе так нравится этот чай? Смотрю, ты прямо смакуешь его.

Чэн Фань лениво приподнял веки. Его чистый, слегка прохладный голос прозвучал на удивление авторитетно:

— Чайный лист крупный, мясистый. Напиток обладает тонким медовым ароматом и оставляет приятное сладковатое послевкусие. Это превосходный сорт.

Собеседник хотел было что-то добавить, но разговор прервал раздавшийся неподалёку

яростный, визгливый крик Ма Хаоцяня.

— Ты, блядь, слепой или безрукий?! Не видишь, что я здесь стою? Мать тебя рожала, чтобы ты под ногами путался? Лучше бы она тебя в колыбели придушила, кусок идиота!

Чэн Фань повернул голову на шум. Оказалось, молодой официант, разносивший фрукты, случайно задел плечом хозяина заведения. Из вазы на пол выкатилась одна-единственная черешня, и Ма Хаоцянь теперь исходил злобой, не собираясь успокаиваться.

Бедный парень сжался в три погибели, беспрестанно кланяясь и умоляя о прощении.

Ма Хаоцянь, выплёскивая на бедолагу всю накопившуюся злость, с силой толкнул его в грудь:

— Ты уволен! Пошёл вон отсюда, ублюдок!

Официант в ужасе вскинул голову:

— Но господин Ма! Меня временно перевели сюда из отеля «Сынань»! У меня отец на гемодиализе в больнице лежит, я единственный кормилец в семье...

— Да хоть сдохнет твой папаша, мне-то какое дело?! — взвился Ма Хаоцянь. — Проваливай, пока я тебе шею не свернул!

Наблюдая за этой сценой, Чэн Фань брезгливо поморщился.

Парень тихо шмыгал носом, утирая слёзы. Сян Чжи, вальяжно развалившись на диване, недовольно протянул:

— Хаоцянь, ну хорош тебе из-за ерунды заводится. Голова уже от твоего крика трещит. — Он мазнул брезгливым взглядом по официанту: — А ты чего застыл? Собери объедки и проваливай с глаз долой, не зли босса.

Ма Хаоцянь тут же переменялся в лице. Стерев с губ ярость, он заискивающе заулыбался Сян Чжи:

— Да я просто испугался, что этот безрукий вам отдых испортит, брат Сян. Всё-всё, больше не буду шуметь.

Официант благодарно зыркнул на Сян Чжи и поспешил скрыться из зала.

Вскоре в зал вернулся Се Чунъянь, закончивший телефонный разговор, и Ма Хаоцянь тут же

скомандовал подавать горячее.

Сам хозяин заведения угодливо засеменил к Се Чунъяню с чайником в руках:

— Брат Янь, попробуйте вот этот чай. Я лично заказывал его со своей плантации на юге. Я с самого детства увлекаюсь чайной культурой, уверяю вас, лучшего сорта во всём Биньтане не сыскать.

Се Чунъянь сдержанно кивнул:

— Спасибо.

Ма Хаоцянь, сияя от гордости, протянул ему чашку:

— Прошу, отведайте его из этой пиалы сине-белого фарфора.

— Это не сине-белый фарфор, — внезапно раздался холодный, ироничный голос Чэн Фаня. На его губах играла едва заметная улыбка. — Это лунцюаньский селадон. Его глазурь напоминает зеркальную гладь воды, он не имеет ничего общего с расписным фарфором.

Улыбка застыла на лице Ма Хаоцяня:

— Надо же... Молодой господин Чэн так хорошо разбирается в посуде.

— Вот та чашка — действительно сине-белый фарфор, — Чэн Фань небрежно указал изящным пальцем на противоположный край стола. — А вы хоть знаете, какой сюжет на ней изображён?

По спине Ма Хаоцяня покатился холодный пот.

— Там... кажется...

Чэн Фань с улыбкой вскинул ресницы, в упор глядя на хозяина клуба:

— На ней запечатлена народная притча о праздности и тщеславии. Она рассказывает о вельможах, которые снаружи сверкают золотом, а внутри полны гнили. На людях они строят из себя благородных мужей, а на деле — и до бродячих собак не дотягивают.

В комнате повисла звенящая тишина. Всем присутствующим было предельно ясно, в чьё именно лицо полетела эта увесистая пощёчина.

Ма Хаоцянь позеленел от злости, пальцы, сжимавшие ручку чайника, побелели от напряжения. Тем не менее он выдавил из себя кривую ухмылку:

— Какая глубокая эрудиция... Мне определённо есть чему у вас поучиться, молодой господин Чэн.

Чэн Фань лениво отвернулся, изящным жестом поставил пиалу на стол и замер в царственной, холодной позе, больше не удостаивая выскочку даже взглядом.

Сян Чжи толкнул локтем Фан Юйчэня:

— Чёрт, а мне нравится этот парень! Такой характер! Именно так и надо лечить этого клоуна Ма.

Сидевший рядом Се Чунъянь задумчиво наблюдал за Чэн Фанем, его пальцы мерно и бесшумно постукивали по полированной поверхности стола.

За обедом парень, сидевший напротив Чэн Фаня, то и дело робко поглядывал на Се Чунъяня, явно желая о чём-то спросить, но не решаясь. Заметив это, Фан Юйчэнь пришёл на помощь:

— Чунъянь, ты ведь силён в редких языках? Моему кузену, Фан Юаню, тут задали зубодробительную задачку по высшей математике на иностранном, никак не может разобраться. Поможешь взглянуть?

Се Чунъянь спокойно кивнул:

— Давай сюда.

Фан Юань, робевший перед авторитетом старшего, дрожащими руками выудил из рюкзака тетрадь и с глубоким поклоном протянул её:

— Спасибо огромное, брат Чунъянь! Шестнадцатая страница, пятое задание.

Чэн Фань мельком глянул на открытую страницу. Текст задания действительно был написан на каком-то редком, малоизвестном европейском диалекте.

Се Чунъянь достал из кармана дорогую перьевую ручку. Спустя минуту вдумчивого чтения он уверенным, стремительным почерком расписал пошаговое решение задачи и набросал аккуратный чертёж на полях.

Фан Юйчэнь восторженно покачал головой:

— Настоящий гений! Я нанимал Фан Юаню лучших репетиторов, так они два дня спорили только о том, как правильно перевести условие задачи. А ты щёлкнул её как орех.

Се Чунъянь взял влажное тёплое полотенце, чтобы вытереть руки, и равнодушно бросил:

— Значит, грош цена твоим репетиторам. Советую сменить.

Чэн Фань на секунду залюбовался его строгим профилем и золотой оправой очков, мягко поблескивающей в свете ламп.

Ближе к концу обеда в зал вошёл управляющий клуба. Слуги, следовавшие за ним, несли изящные подносы с письменными принадлежностями: тушью, кистями и полосками плотной алой бумаги.

— Господа, вековому дереву во дворе больше ста лет, и наши гости верят, что оно исполняет любые желания, — с поклоном произнёс управляющий. — Мы сохранили его при строительстве «Лиюй». Не хотите ли вы оставить на нём свои пожелания?

Фан Юйчэнь с сомнением покосился на кисти:

— Обязательно писать именно тушью?

— Традиционный способ делает пожелание более искренним, — с улыбкой пояснил тот.

Слуги расставили перед каждым гостем письменные приборы. Чэн Фань взял тонкую бамбуковую кисть, на мгновение задумался и уверенным движением вывел на красной бумаге четыре иероглифа: «Мир и покой из года в год».

Фан Юань, сидевший поблизости, заглянул через его плечо и ахнул:

— Боже мой! Это же каллиграфический стиль Шоуцзинь?

Его возглас мгновенно привлёк всеобщее внимание. Се Чунъянь повернул голову и замер. Выведенные на алом фоне знаки ложились тонкими, упругими штрихами, выполненными невероятного изящества и силы. Подобная безупречная техника требовала долгих лет упорных тренировок и никак не вязалась с юным возрастом Чэн Фаня.

Сян Чжи тоже проявил любопытство, вытянув шею:

— Ого, а ведь и правда чертовски красиво!

Ма Хаоцянь тут же вклинился в разговор, пытаясь сгладить углы:

— Молодой господин Чэн, должно быть, потратил немало лет на обучение. Не согласитесь ли вы сделать одолжение и написать пожелания для всех нас?

Услышав приторный голос Ма Хаоцяня, Чэн Фань брезгливо нахмурился. Он аккуратно положил кисть на фарфоровую подставку и отрезал:

— Не соглашусь. Я здесь гость, а не уличный зазывала.

Ма Хаоцянь, получив уже вторую звонкую оплеуху при свидетелях, едва не взвился на месте от злости. Зубы его заскрипели, но в присутствии Се Чунъяня он не посмел выказать свой гнев и лишь натянул на лицо вымученную улыбку.

Се Чунъянь бросил на юношу быстрый взгляд, задумчиво поправил дужку очков и погрузился в свои мысли.

Пока все увлечённо скрипели кистями, Се Чунъянь даже не прикоснулся к своей бумаге. Чэн Фань искоса понаблюдал за его нетронутым алым листком, нахмурился, словно решая какую-то сложную дилемму, а затем решительно потянулся к чистой полоске бумаги и быстро вывел на ней изящную строчку.

«Пусть все дела венчаются успехом, и каждый день приносит только радость.

— Се Чунъянь»

Закончив писать, он бережно сложил бумагу пополам и вместе со всей компанией вышел во внутренний двор к раскидистому вековому дереву.

Се Чунъянь, хоть и остался без собственного желания, последовал за всеми и теперь спокойно созерцал колышущиеся на ветру алые ленты.

Закрепив свой листок на ветке, Чэн Фань обернулся. Заметив одиноко стоящего мужчину, он поколебался секунду, а затем, пряча руки за спиной, подошёл к нему ближе:

— Почему сам ничего не написал? Стыдно показать свой корявый почерк?

Се Чунъянь перевёл задумчивый взгляд на догорающий закат:

— Можно сказать и так.

Чэн Фань лукаво прищурился и протянул ему сложенный листок бумаги:

— Ладно уж, держи. А то стоишь тут с таким несчастным видом.

В глубине тёмных глаз Се Чунъяня промелькнуло удивление. Он принял записку и развернул её. Быстро пробежав глазами по каллиграфическим строчкам, он негромко произнёс:

— Спасибо.

— Пожалуйста, — Чэн Фань позволил себе едва заметную тёплую улыбку.

Се Чунъянь медленно погладил пальцами плотную бумагу, а затем перевёл взгляд на суесящегося неподалёку Ма Хаоцяня.

— Не знаю, стоит ли мне это говорить... — начал он.

— Говори как есть, — пожал плечами парень.

— Не спорю, ты чрезвычайно одарён, — ровным тоном произнёс Се Чунъянь. — Но в обществе иногда стоит считаться с чужим самолюбием. Даже если человек тебе неприятен, лучше проявить гибкость. Зачем плодить себе врагов на ровном месте и навлекать чужую зависть?

В этот момент к ним направился Сян Чжи, заметивший в руках Се Чунъяня красную полоску бумаги.

Чэн Фань выслушал нотацию, и его лицо мгновенно заледенело.

— То есть ты думаешь, — процедил он сквозь зубы, — что я устроил сцену этому ничтожеству просто ради того, чтобы потешить своё эго и покрасоваться?

— Я сделал выводы на основе увиденного, — спокойно отозвался Се Чунъянь.

В глазах Чэн Фаня вспыхнул ледяной гнев. Он упрямо вскинул подбородок:

— Этот подлец даже близко не стоит того, чтобы я тратил на него силы ради бахвальства. Раз уж я кажусь тебе таким несносным, давай впредь вообще сведём наше общение к минимуму.

Се Чунъянь не ожидал столь бурной вспышки. Его брови сошлись у переносицы:

— Прекрати капризничать. Веди себя взрослее.

Он хотел сказать что-то ещё, но подошедший Сян Чжи бесцеремонно его перебил.

— А вот тут я готов заступиться за твоего ненаглядного, — ухмыльнулся Сян Чжи. — Малолетний паршивец Ма заслужил каждое слово. Чэн Фань просто озвучил то, о чём остальные смолчали.

Сян Чжи в двух словах пересказал инцидент с уволенным официантом и добавил:

— Мы все прекрасно знаем, какая Ма Хаоцянь гнида, просто держим марку ради приличия. Но твой малый умыл его красиво, любо-дорого посмотреть.

Пока они разговаривали, Чэн Фань стоял спиной к Се Чунъяню. Плечи его мелко дрожали от обиды и злости, а сам он напоминал нахохлившегося, готового взорваться от гнева котёнка.

Дождавшись, пока Сян Чжи закончит говорить, Чэн Фань резко развернулся и испепелил Се Чунъяня яростным взглядом. Затем он молниеносно выхватил из рук растерявшегося мужчины красную записку и, даже не глядя, швырнул её прямо в урну.

— Я уезжаю. А ты оставайся со своими приличиями! — выплюнул он напоследок и быстрым, чеканным шагом направился к выходу из усадьбы.

<http://bllate.org/book/19809/1996170>